

А. ЛЕЙТЕС

Маршаллизация классиков

Престарелый английский писатель Сомерсет Моэм, автор многих пошловатых романов и пьес, он же агент британской разведки, в последние годы решил окончательно обессмертить свое имя. Он выбрал десять широко известных произведений классической литературы XIX века (в том числе «Войну и мир» Льва Толстого, «Мадам Бовари» Флобера, «Давид Копперфильд» Диккенса, «Отец Горю» Бальзака, «Красное и черное» Стендаля, «Братья Карамазовы» Достоевского) и обещал американским издателям удалить из этих романов «все длинноты и утомительные места», «убыстричь их внутренний темп» и представить эти классические романы в «обновленном» и «улучшенном» виде.

Уродование классических произведений — обычное занятие бульварных издательств Америки. Ремесленники пера, потерявшие совесть и стыд, естественно, выполняют свою черную работу анонимно. Для так называемых «омнибуков» (карманных альманахов) они сокращали «Дон-Кихота» до 25 страниц, «Войну и мир» до 30 страниц, «Божественную комедию» до 15 страниц и т. д., чуть-чуть сохраняя основные контуры их сюжетов. Все, что определяло национальное своеобразие и художественную силу того или иного замечательного произведения, испарялось в подобных «омнибуках».

Отличаясь как приспособляемостью разведчика, так и проницательностью космополита, Сомерсет Моэм решил все это дело поставить на более широкую ногу. Он учел, что откровенно беззастенчивое обращение с европейскими ценностями вполне соответствует духу «плана Маршалла» и нравам американской буржуазии. Свое «вторжение со взломом» в литературный Пантеон европейских народов Моэм решил совершать не тайком, не анонимно, но всячески афишируя свое предприятие. Прежде всего он объявил, что будет не только исправлять классиков, но и своеобразно «унифицировать» их, снабжая каждый роман своим предисловием, в котором «раскроет наиболее потрясающие интимные детали жизни» выбранного им классика. Трудно сказать, насколько потрясло это предложение отнюдь не привыкших смущаться американских издателей. Во всяком случае, оно вызвало у них соответствующий коммерческий энтузиазм. И вот уже в 1949 г. в Соединенных Штатах Америки выходят нарядно изданные книги, на титульных листах которых имя пошляка Моэма поочередно красуется рядом с именами Толстого и Диккенса, Бальзака и Флобера.

Перед нами книга, на обложке которой по установленному стандарту напечатано: «Сомерсет Моэм знакомит публику с «Мадам Бовари» Гюстава Флобера». Стоимость книги 3 доллара 50 центов. Причем издатель, сообщая, что «Мадам Бовари» в обычном виде (т. е. без исправлений Моэма и без его предисловия) можно приобрести вдвое дешевле, за 1 доллар 25 центов, подчеркивают, что сенсационное соавторство Моэма, на их взгляд, вполне заслуживает более чем стопроцентной надбавки. Ведь приобретаешь в моэмовском изложении классическую повесть французского писателя, американский обыватель не только «облегченно» и «ускоренно» ознакомится с печальной (а по Моэму — пикантной) жизнью Бовари, но вдобавок получит возможность наслаждаться сплетнями об интимной жизни знаменитого создателя ее образа.

Из писем Флобера мы знаем, что, работая над «Мадам Бовари», он, бывало, десятки раз с остервенением переписывал одну страницу, беспощадно вычеркивая тысячи строк, чтобы добиться одного незаменимого образа, одного точного и удачного эпитета. Мы знаем, что, изображая отравление своей героини, он настолько перевоплощался в ее образ, что несколько дней подряд чувствовал вкус мышьяка во рту. Но вот сегодня, цинично поспивывая, ворвался в этот роман литературный космополит, не долго думая, спрессовал его абзацы и отдельные фразы (чтобы ускорить их темп!). А затем он перешел к «Давиду Копперфильду» Диккенса, к «Красному и черному» Стендаля и, причислав их на американский лад, с неизменной развязностью кафе-шантанного конферансье представил публике «обработанных классиков».

Мы подробно коснулись этого самонадеянного, весьма непрстойкого коммерческого предприятия Моэма потому, что именно оно чрезвычайно типично для того омерзительного модернизированного вандализма, многочисленные примеры которого повседневно демонстрируют в своей литературной практике буржуазные космополиты.

Еще в сороковых годах прошлого века американский антрепренер странствующих

цирков и зверинцев Барнум пытался купить дом Шекспира в Стретфорде, намереваясь перевезти его в Америку. «Пусть родиной Шекспира станет то место, где за него заплатят больше денег», — так рассуждал азасжий цирковой антрепренер. Только вмешательство известного английского писателя Теккерея не позволило американскому дельцу притвориться домом национального гения Великобритании.

Современные барнумы уже не нуждаются в том, чтобы вывозить дом Шекспира из Англии. Ведь они расположены рассматривать ее, как свой 49-й штат. Сегодня американские предприниматели так же, как буржуазные дельцы в Англии, зачастую совместно торгуют Шекспиром, всячески пытаюсь осквернить память о нем, всевозможными приемами выхлещивая из его наследия как раз то, что составляет национальную гордость английского народа.

В 1948 г. на книжных прилавках Соединенных Штатов Америки появилось вышедшее в Лондоне исследование некоего Эрика Партриджа, озаглавленное «Непристойности в произведениях Шекспира»...

Похабные упражнения несусветного пошляка над шекспировским творчеством не только не вызвали насмешек, возмущения или удивления в английской и американской буржуазной прессе, но, напротив, были восприняты как нечто закономерное.

В Америке и в других странах буржуазного Запада немало литературоведов, подобных Партриджу. В своих трактатах они исследуют все то, что он, Шекспир, сделал для постижения таких «вненациональных категорий», как «физическая сторона подовой любви», и тщательно изучают те места шекспировских пьес, где он уделяет внимание четвероногим животным, а также пернатым и земноводным... С предельным цинизмом некая Сильвия Редлей заявила со страниц журнала британской ассоциации издателей: «Цель всякой книги — будь то Шекспир или Софокл, — та же, что у футбольного матча или у собачьих бегов». И добавила: «Ведь любая книга пишется для того, чтобы доставить развлечение».

Но не только для потехи, не только для того, чтобы потрафить вкусу отсталого обывателя, переделывают, перелицовывают и оглушают классиков продажные перья американского империализма. Неправильно трактовать этот вопрос в анекдотическом плане. Как ни поразительно невежественны в вопросах искусства американские дельцы, мы не должны забывать об основном, о том, что это — невежество агрессивное, преследующее в своей повседневной политической практике сознательные и гнусные реакционные цели.

Не будем ни на минуту забывать, что их духовное убожество все более и более нагло предъявляет претензии на мировое господство. И не от легкомыслия, а со злым умыслом американские воротилы сегодня так поощряют уродование и извращение классических произведений. Умысел этих линчевателей искусства заключается в том, чтобы, с одной стороны, использовать для бизнеса популярное имя классика, а, с другой стороны, преподнести под прикрытием большого и славного имени фальсифицированное в угоду капиталистической реакции классическое произведение.

Враги народа, поборники мракобесия крайне нуждаются и в фальсификаторах истории и в фальсификаторах литературы и искусства. Подлинные голоса передовых представителей европейской классической литературы страшны и опасны современным рабовладельцам с Уолл-стрита. Покупаясь на независимость западноевропейских народов, они хотели бы отнять у них не только свободу, не только их будущее, но и прошлое, оплевав их славные, бессмертные традиции.

За последние годы народы Западной Европы узнали на практике, что такое маршаллизация. Это слово стало бранным словом в устах каждого честного европейца. «План Маршалла» не только провалился, но предельно разоблачил и себя и тех, кто его затеял. Оказалось, что можно маршаллизировать несколько продажных буржуазных правительств, кучку политических и литературных трупов, но нельзя маршаллизировать народы, ослабить их боевой патриотический дух, нельзя маршаллизировать их родную литературу.

Вот почему сразу же разоблачают себя и бессильные, мерзопакостные попытки всяческих моэмов стандартизировать классиков на космополитический лад. Эти попытки лишней раз наглядно демонстрируют, что представляет собою космополитизм: отравленное идеологическое оружие, которое американские агрессоры фабрикуют на экспорт вместе с яичным порошком, жевательной резиной и бомбардировщиками.